

Есенин.
«ИЗБРАННОЕ».
Госуд. Издат.
Москва, 1922 г.

Есенин уже прочно вошел в русскую литературу. Он становится „классиком“. Издание его стихов Госиздатом как бы официально закрепляет за ним это положение. Но то, что собрано в этом сборнике, „избиралось“ едва ли самим Есениным, ибо в него не вошли многие лучшие вещи поэта, как, напр., „Сорокоуст“, „Исповедь хулигана“ и др., должно быть, потому, что некоторые выражения в них показались хранителям „нравственности“ рискованными в поэтическом лексиконе.

Книжка составлена по преимуществу из ранних произведений, взятых из сборников „Радуница“, „Голубень“, „Трерядница“, в которых Есенин выступал, как „крестьянский“ поэт. Поэтому характеристика Есенина по книжке „Избранное“ не может быть исчерпывающей. Так, напр., хотя бы метрическое построение стихов, по приблизительному подсчету, выражается в следующих цифрах: из 52 стихов, составляющих сборник, 50% написаны хореем, 27% — ямбом, 17% — свободным стихом, 6% — дактилем. Между тем как, по отношению ко всему написанному Есениным, цифра свободных стихов вне метра должна быть значительно увеличена, ибо более поздние вещи, не вошедшие в сборник, написаны по преимуществу свободным стихом. То же надо сказать и о рифме. В этом сборнике преобладает рифма грамматическая, тогда как в поздних вещах она чаще созвучная.

Сложные технические и композиционные задачи, ставимые русской поэзией за последние два десятилетия, чужды Есенину.

Композиционно стих Есенина построен самым упрощенным образом. Это — ряд четырехстрочных строф, объединенных рифмами первой строки с третьей, вто-

рой—с четвертой. В целях достижения композиционного единства, он нередко прибегает в построении строф к „кольцу“, также весьма примитивному, хотя и распространенному приему. Сложные формы рондо, сонета у него не встречаются совсем. Оригинальных ритмических вариаций, нарушающих однообразие метра, у него немного. Не свойственна его стиху и звуковая фактура слова.

Основным стержнем поэзии Есенина является образ. Имажинисты утверждают, что там, где нет образа—нет и поэзии: всякая мысль, чувство, представление только тогда достойны быть названы поэтическими, когда облечены в плоть художественного образа. Образ—тело и душа поэзии. У Есенина образ имеет целый ряд особенностей. Изобразительной стороной его образов является деревенский пейзаж. Метафора образа строится обычно по нисходящей линии: явление более общего порядка и большей значительности он наделяет свойствами явлений более частных и меньшей значимости. Прежние поэты обычно олицетворяли обыденный предмет в какой-нибудь „возвышенный“ образ. Есенин поступает наоборот. Солнце он сравнивает с колесом, луну—с лягушкой. Отличительной чертой его образов является их антропоморфизм. Он наделяет природу свойствами человека или животных: Осень для него—„рыжая кобыла“, ветер—химик, который „мнет листву по вступам дорожным“, месяц—ягненочек, изба—старуха, закат—красный лебедь, синий сумрак—стадо овец. „Никому и в голову не встанет, что солома это тоже платье“,—говорит он, а вот ему так постоянно „встает“, что дорога может задуматься о „красном вечере“, что „старый клен на одной ноге“ может сторожить „голубую Русь“, что месяц может плыть и ронять весла по озерам, и т. д.

Колорит есенинской поэзии типично импрессионистический: вечер—зеленый, трава—голубая, сумрак—синий, Русь—голубая, зола—зеленая из розовой печи. Вспомните Дега, Моне, Ренуара. Чаще же всего встречающийся цвет—синий. В 52 стихотворениях сборника—синий, как прилагательное для определения цвета, встречается 26 раз. В одном месте он даже признается, что синь ему „сосет глаза“. Золотой в качестве цветовой окраски встречается 24 раза, голубой, зеленый и белый—по 11 раз, красный—10, розовый и желтый—по 7. Это—как раз те цвета, которые любили импрессионисты. Любовь же к золоту сближает Есенина с русским народным искусством от древней иконы до игрушки кустаря. Черный цвет, изгнанный совершенно с палитры импрессионистов, также не свойственен Есенину. Как окраска, он встречается всего дважды.

С импрессионистами сближает Есенина и крайний субъективизм восприятия и эскизность манеры письма. Большинство его вещей—лишь наброски. В пейзажах Есенина нет человека, как определенного персонажа. Водушевляя природу, он как бы растворяет в ней человека, наделяя ее человеческими средствами. Нет в его лирике, очень интимной, и Эроса. Эротика чужда ему и тогда, когда он из „задора“ вводит какой-нибудь слишком „рискованный“ в поэзии образ. В данном сборнике только одно стихотворение посвящено женщине. Вся любовь его направлена к родине. Не к России, а к—Руси. Он подыскивает самые нежные слова для ее определений: „Мой край, задумчивый и нежный“, „О, Русь, малиновое поле“, „Золотая Русь“, „Ой, ты, Русь моя, милая родина“, „Родина кроткая“. И так же, как это не раз встречалось в прежней русской поэзии, этот мотив переплелется с тоской. Но тоска его по Руси—„тоска веселая“. „И дремлет Русь в тоске своей веселой“. Грусть его—радостная грусть: „Блажен, кто радостью отметил твою пастушескую грусть“. Это не патриотизм, ибо патриотизм—мировоззрение. Это—просто деревенская любовь. Не размыщление, а эмоция. „Если крикнет рать святая:—кинь ты Русь, живи в раю,—я скажу: не надо рая, дайте родину мою“. Эта бесхитростная деревенская любовь, веселая своей тоской и радостная в грусти, далека, все же, от надломанной любви к России Блока. У последнего эмоция неотделима от размышлений, восторг—от боли, любовь—от патриотизма.

Напрасно было бы искать в поэзии Есенина философского мировоззрения, тем более выражения классовой идеологии крестьянства. Он по существу не кре-

стянский, а деревенский поэт. Он деревенский пейзажист, интимно влюбленный в природу, подобно живописцам „барбизонцам“. В поэзии Есенина не только нет устоев мировоззрения, но, напротив, в ней отразилась анархическая психология деклассированного полуинтеллигента. „Если не был бы я поэтом, то, наверное, был мошенник и вор“. И: „Сам я разбойник и хам и по крови степной юнокрад“. „Мне бы в ночь в голубой степи, где-нибудь с кистенем стоять“. „Но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист“.

Наша поэзия отражала психологию помещика, интеллигента, в пролетарской поэзии—рабочего. В лице Есенина она отразила психологию „хулигана“. До сих пор эта психология находила выражение в частушках, поэзии не книжной, изустной, народной. В былинах она облеглась в героические образы. „Хулиганство“ Есенина не содержит в себе темных патологических сторон. Это—не апапизм и не декадентский надлом. Это—деревенское ухарство, веселый задор деревенского парня, каким и является по существу Есенин. Как в деревне, будучи мальчиком, он был „кошоводом“ в драках и забавах, о чем рассказывает сам в своей автобиографии, так и теперь хочется ему „победокурить“ в поэзии. Несмотря на угрозы „зарезать“—он большой романтик и „лирик“.

Поэзия Есенина идеологически псевдо-народна, каковой она была и у Кольцов, Никитина, Некрасова. С современностью она совпадает повышенной первозданностью, идеологически же она далека от современности. Революционность чужда ей по существу. Она пассивна, не действенна. Революция получила в ней отклики как отдаленные зарницы, как отображение. В книжке „Избранное“ всего одно стихотворение посвящено революции. По своим привязанностям к старой, дедовской деревне, с сохой и плугом, он такой же эклектик и прямая параллель, напр., Бунину, как поэту уходящего помещичьего быта. Есенин не называет себя новым поэтом. В этом отдаленность его от футуристов и даже распры с ними. Он весь в старой, деревенской, деревянной, „избяной“ Руси, как называл ее Клюев в стихе, посвященном Есенину. Я последний поэт деревни,—говорит он про себя. — и, когда на поля придет новый „железный гость“ и трактор сменит „дураля скакуна“, то песням его уже „не жить“. В своем знаменательном „Сорокусте“ он спрашивает поминки по старой деревне, уходящей в прошлое, как отошел в историю помеченный быт.

Пропев песню, как обещал он в одном стихотворении, про „печь, петуха, коров“, он становился на распутьи. Современность идет мимо него. „Ты сердце выпеснил избе, но в сердце дома не построил“,—говорит он, обращая эти слова к Клюеву. Но с не меньшим основанием мог бы их отнести и к себе. Устав „живь в родном kraю“, он идет „искать убогое жилище“ и, как и иные эклектики, обворачивается назад, в прошлое истории („Пугачев“) и там хочет найти те образы, которых ему не дает современность.

Но жизнь идет дальше, а с ней новые песни.

Впрочем, Есенину только 27 лет. И характеристика эта отправным пунктом имеет только „Избранное“.

Николай Тарабукин.